

Высокая температура внутри тела заставила шею и лицо Цзян Шаочжи быстро покраснеть. Капли пота, выделявшиеся на лбу, стекали по высокой переносице, падая одна за другой и оставляя на простыне водяные следы.

Тун Цинхэ вытер пот с ресниц Цзян Шаочжи. Веки альфы сильно дрогнули. Его хватка на руке Тун Цинхэ становилась всё сильнее, оставляя красный след на запястье.

Слушая, как дыхание альфы постепенно замедляется, Тун Цинхэ тоже занервничал.

— Дядя, ты в порядке?

Не обращая внимания на боль в сжатой руке, Тун Цинхэ был крайне обеспокоен внезапной критической ситуацией со своим альфой.

Он мало знал о физиологии альф. Лишь в прошлый раз он полу-добровольно, полу-вынужденно последовал инструкциям из интернета, но у него было мало опыта, и в процессе его чуть не лишил вменяемого человеческого облика сам Цзян Шаочжи.

Периоды гона альфы по логике не должны быть чаще, чем у омег, но за этот месяц он уже второй раз сталкивался с такой ситуацией у своего альфы.

Тун Цинхэ был настолько встревожен, что его мозг плохо работал. Вспомнив, что комбинация феромонов и вторжение в психическое поле альфы обладает успокаивающим эффектом, он взял себя в руки, медленно выпустил свои феромоны, пытаясь успокоить своего альфу.

Феромоны становились всё более концентрированными. Цзян Шаочжи с трудом отвёл взгляд. Свежий, сладкий аромат жасмина, витавший у его носа, подстёгивал некую мысль, взрывающуюся внутри. В следующий момент он опрокинул Тун Цинхэ на подушку.

Тун Цинхэ лежал, откинувшись назад, его зрение было затуманено, и он смутно видел перед собой глубокие, горящие пламенем глаза.

Сила альфы вызвала у Тун Цинхэ кратковременное головокружение.

Горячий, липкий пот непрерывно капал ему на лоб, щёки, губы. Он попробовал его — пот был влажным и солёным. Густой, чистый аромат сандала стремительно проникал в его горло. Тун Цинхэ непроизвольно схватил Цзян Шаочжи за палец. Голова кружилась ещё сильнее.

— Дядя, ты...

...в порядке?

Фраза была проглочена.

Цзян Шаочжи, конечно, не был в порядке. В его теле будто был заперт безумный зверь. Его разум был в хаосе, и только источник жасминового аромата казался мягким и сладким.

Цзян Шаочжи свирепо вдыхал дыхание изо рта Тун Цинхэ. Постельные принадлежности вокруг них были беспорядочно разорваны и разбросаны.

Маленький омега перевернулся. Аромат сандала заполнил всю спальню, подобно бурному, накатывающему цунами. Жасмин тонул и захлёбывался в волнах сандала, который быстро доминировал, не давая жасмину никакого пути к отступлению.

Лицо Тун Цинхэ покраснело, так, что из него можно было выдавить кровь. Грудь сжималась невидимой силой. Сердце бешено колотилось, подступая к горлу. Он постоянно глотал слюну.

Цзян Шаочжи хрипло сказал:

— Куда бежишь?

Тун Цинхэ действительно собирался бежать. Его вытянутые руки сильно дрожали, он не мог приложить никакой силы. Он тяжело дышал, припав к изножью кровати.

Капли пота стекали со лба и кончика носа. Влажные от пота волосы прилипли к щекам, собираясь на подбородке и падая на пол, образуя маленькие лужицы.

Спальня была наполнена учащёнными звуками, которые раскрывали скрытую и тревожную интимность.

Ноги и руки Тун Цинхэ были мягкими и слабыми, как будто он был пьян. Он зашатался, готовясь сползти с изножья кровати.

Горячая ладонь альфы резко оттащила его обратно. Его подбородок тяжело стукнулся о мягкий край кровати. Он издал животный стон, перед глазами всё расплылось. Колени Цзян Шаочжи коснулись изголовья, и он снова спросил:

— Куда бежишь?

На этот раз альфа был гораздо менее нежным, чем в прошлый. Тун Цинхэ не мог сказать, испуган он или нет, но чувствовал, что его альфа вот-вот растерзает и поглотит его.

Его быстро обездвигили. Он лежал спиной к потолку. Дыхание Цзян Шаочжи было почти у его шеи. На нежной коже выступила гусиная кожа. Дыхание остановилось на краю его железы.

Грубый кончик пальца альфы давил на затылок, словно зажимая жизненно важный орган детёныша зверя. Кожа в этом месте покраснела от трения. Это было чувствительное и хрупкое место омеги. Из-за такой грубой хватки Цзян Шаочжи ему стало больно.

Тун Цинхэ прикусил губу, чтобы сдержать стон боли. Он послушно свернулся у изножья кровати, но по его глазам уже текли слабые слезы.

Когда кончик пальца надавил на шею, стало очень больно и чувствительно. Тун Цинхэ почувствовал, что его шея находится на волоске; если приложить ещё немного силы, он задохнётся.

Спустя некоторое время он дрожащим голосом выдал еле слышный звук:

— Больно...

— Мне больно...

Душный, горячий воздух, наполненный возбуждением, благодаря одному слову маленького омеги, коснулся бушующих нервов Цзян Шаочжи.

Цзян Шаочжи резко прекратил «зверство» своего насилия. Он посмотрел на почти распухшую и покрасневшую железу маленького омеги. Кожа сильно вздулась. Было очевидно, насколько безумен был альфа, потерявший рассудок. Витающий в воздухе аромат жасмина постепенно ослаб, словно внезапно потерял воздух, и, как его хозяин, который не мог терпеть боль, полностью поник.

Солнечный свет, проникавший через окно, ударил прямо в глаза. Отвлекающееся сознание Цзян Шаочжи мгновенно вернулось. Он перевёл дух, ослабил хватку на Тун Цинхэ и смущённо, но сдержанно отстранился.

По крайней мере, для Тун Цинхэ это было безопасное расстояние.

Цзян Шаочжи был словно выжидающий зверь, а Тун Цинхэ — вкусная добыча, но он не мог его ранить.

Он сдерживался и отступал снова и снова.

Интенсивность гона альфы каждый раз зависела от обстоятельств, но их течка, несомненно, была более бурной, чем у омег. Раньше Цзян Шаочжи подавлял свой гон, принимая большое количество ингибиторов. После первого раза с омегой, память, запечатлённая в теле, сделала его более жадным, и он не смог удержаться.

Он потрогал свой нос. Яркая красная кровь просочилась между пальцами. Тун Цинхэ сквозь

затуманенные слезами глаза оглянулся и испугался красной крови на руках и у рта Цзян Шаочжи.

— Дядя, — у него не было сил говорить. Он слабо лежал в изножье кровати, явно не оправившись от «пытток» над железой.

Цзян Шаочжи отвёл взгляд. Его тело было горячим, но тон голоса — равнодушным:

— Я выйду первым.

Альфа был весь в поту. Мокрая одежда облежала, подчёркивая его сильные, рельефные мышцы.

Цзян Шаочжи, опустив голову, спешно вышел из спальни. Тун Цинхэ лежал, слегка ошеломлённый, около десяти минут. Наверху и внизу было тихо, что заставило его сердце заволноваться: он переживал, что что-то случилось с его альфой.

Постепенно силы и энергия возвращались к нему. Тун Цинхэ медленно спустил свои ослабевшие ноги, опираясь на дверь. В конце концов, он услышал шум в ванной комнате.

Он прислонился к двери и неуверенно спросил:

— Дядя, ты там?

Звук льющейся воды смутно донёсся до ушей Тун Цинхэ сквозь дверь. Он поднял руку и постучал, настойчиво стуча несколько раз:

— Дядя, ты здесь?

Через несколько минут тишины дверь резко распахнулась. Тун Цинхэ посмотрел на стоящего перед ним ** альфу. От его тела исходил ледяной пар. Тун Цинхэ коснулся его — рука была напряжена от холода.

Глаза Тун Цинхэ снова покраснели.

— Дядя, я могу, как в прошлый раз...

Слова замерли на губах. Тун Цинхэ обошёл Цзян Шаочжи и увидел большой ряд лекарств и шприцев на раковине.

Сердце Тун Цинхэ подскочило к горлу. Он оттолкнул Цзян Шаочжи, вошёл внутрь, взял использованные лекарства, а затем посмотрел на шприцы. Цзян Шаочжи за короткое время ввёл себе много доз ингибиторов феромонов альфы.

Ингибиторы бывают двух видов. Первый — это более распространённые пероральные ингибиторы. Тун Цинхэ сам выпил несколько флаконов. Такие ингибиторы можно купить в больнице по рецепту, они довольно доступны. Другой вид — это инъекционные препараты, которые обычно используются в армии. Их эффект быстрый и сильный, что позволяет солдатам эффективно переживать гон и выполнять задачи. Однако эти препараты часто вызывают очень сильные побочные эффекты.

Тун Цинхэ сосчитал использованные препараты. Его глаза покраснели, как у кролика. Хрупкие эмоциональные нервы мгновенно оборвались. Слезы текли по его щекам, и он плакал, задыхаясь.

— Дядя, я мог бы помочь тебе, как в прошлый раз. То, что я сказал, что мне больно, это не значит, что я действительно испугался и хотел избежать тебя...

Слезы маленького омеги пробили брешь в сердце Цзян Шаочжи. Он собрал и утилизировал использованные ингибиторы, включил тёплую воду, схватил обе руки Тун Цинхэ и тщательно промыл их под водой. Затем он вывел его из ванной, усадил в гостиной и, не особенно нежно, но неловко и осторожно, начал вытирать ему слёзы.

Тун Цинхэ схватил Цзян Шаочжи за запястье. Его губы дрожали, и он рыдал, его тело дёргалось.

Цзян Шаочжи вытер ему уголки глаз:

— Не плачь. Я выдержу.

Цзян Шаочжи не стал «забирать» Тун Цинхэ, как в прошлый раз на базе. Он больше всего беспокоился о том, что тело омеги не сможет вынести сильного натиска альфы за короткий период времени.

В прошлый раз Тун Цинхэ восстанавливался целых три дня. Если бы что-то случилось сейчас, а гон Тун Цинхэ вот-вот должен был начаться. Он не мог точно сказать, когда именно это произойдёт, и не мог предсказать, не нанесёт ли телу омеги вреда, если оно выдержит два сильных натиска альфы за короткий промежуток времени.

Если бы действительно что-то пошло не так, Цзян Шаочжи боялся нанести своему омеге непоправимый вред.

Альфы могущественны и обладают дикой природой, но они — существа с разумом. Как люди, они должны научиться контролировать себя, контролировать себя, чтобы не навредить своему омеге.

Омега — это не сосуд для их «безумия» и личных желаний.

Цзян Шаочжи объяснил Тун Цинхэ низким голосом:

— Твой гон скоро начнётся. Мне принять ингибитор не имеет значения, но твоему телу нужно хорошо отдохнуть, чтобы пережить первый период спаривания.

Тун Цинхэ обнял Цзян Шаочжи и молчал. Он читал в новостях о некоторых альфах, которые объединялись, чтобы наказать свои личные желания, не считаясь с чувствами омеги. У альф и омег некоторые физиологические структуры одинаковы; у них обоих есть периоды гона. Но альфы по природе своей доминируют, а омеги находятся в подчинённом положении. По-видимому, именно из-за этих физиологических факторов некоторые люди считают, что раз уж гон начался, нужно обязательно спариться и пометить омегу.

Омега — это существо, которое нужно пометить, существо, которое зависит от альфы. Независимо от того, как долго кто-то сопротивляется, в конечном итоге ему придётся следовать за альфой.

В устоявшемся мышлении альф, по крайней мере, большинство людей так считает. А альфа Тун Цинхэ предпочёл причинить боль себе, чтобы проявить уважение к нему.

<http://bllate.org/book/4/80>